

“НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” НА RENDEZ-VOUS (Роман И. С. Тургенева “Накануне”)

П. РЕЙФМАН

Одна из характернейших особенностей “лишнего человека” в романах, да и не только в романах, Тургенева — его поведение на любовном свидании, раскрывающее сущность героев такого типа. Чернышевский, анализируя произведения Тургенева, повесть “Ася”, роман “Рудин”, назвал свою статью “Русский человек на rendez-vous”, хотя в ней идет речь не о поведении на свидании русского человека вообще, а именно “лишнего человека”. Как раз такой тип человека, дворянского интеллигента, наиболее часто встречается в произведениях Тургенева 1850-х годов. В них появляется и словосочетание, ставшее нарицательным (“Дневник лишнего человека”).

Показывая несостоятельность “лишнего человека”, Чернышевский уверен, что герой нового, демократического типа, отличающийся от персонажей Тургенева всей совокупностью своего характера и действий, будет и на любовном свидании вести себя иначе, не так “конфузно”, как, например, Рудин,¹ что он и в этой ситуации, как и в остальных, не осрамится, с честью выдержит испытание.

Мысль о “новом человеке” появляется у Чернышевского уже в 1856 г., в статье “Стихотворения Н. Огарева”, где выражается уверенность, что время Рудиных прошло, что скоро появятся их преемники: “Мы ждем еще этого преемника”, “человека, который становится во главе исторического движения с свежими силами”^{1а}.

Позднее, в романе “Что делать?”, с подзаголовком “из рассказов о новых людях”, Чернышевский, в числе прочего, попытается дать образцы поведения “новых людей” на свидании. Словосочетание “новые люди”, употребленное Чернышевским, тоже становится нарицательным, как и прежде, тургеневское, и противопоставлено ему.

В романе "Что делать?" есть пласт, содержащий полемику с обрисовкой Базарова в романе "Отцы и дети". "Новые люди", по мнению Чернышевского, ведут себя на свидании не так, как "лишние люди", но и не так, как изобразил их Тургенев в "Отцах и детях". Роман "Что делать?" должен был дать ответ: а как же? Речь идет именно об ответе, а не о вопросе, хотя в конце заглавия и стоит вопросительный знак. Чернышевский убежден, что он может ответить на такой вопрос, как и на другие, потому что он "правильнее других" "понимает вещи".² Все оканчивается предельно просто, как дважды два — четыре, проще, чем "выпить лишний стакан чаю или не допить одного стакана чаю", как утверждает Рахметов.³ "Любовный треугольник", определяющий как будто бы безвыходность ситуации, легко превращается в благополучнейший квадрат из двух блаженствующих пар.

Считая, что он дает более правильное, чем у Тургенева, изображение "новых людей" на свидании, Чернышевский, видимо, имел в виду не только "Отцов и детей", но и "Накануне". Прямых, развернутых оценок этого романа Чернышевский не оставил, но он несомненно читал его, имел о нем собственное суждение, не слишком благоприятное. Роман "Накануне" напечатан как раз тогда, когда крайне обострились отношения Тургенева с редакцией "Современника". Уже сама публикация "Накануне" в "Русском вестнике" знаменовала рост разногласий, не могла не сказаться на восприятии Чернышевским тургеневского романа. Значимо для Чернышевского было и мнение о "Накануне" Добролюбова, отразившееся в статье "Когда же придет настоящий день?" Добролюбову не понравилось изображение Тургеневым "нового человека". Образ Дон Кихота, ориентированный Тургеневым на русских революционных демократов, был переадресован Добролюбовым либералам, людям круга Тургенева. Они, по мнению критика, не понимают, за что борются, что выйдут из их усилий, "верхушки их тянутся вверх, а корень все-таки прикреплен к той же почве"^{3а}. Не слишком удачно, с точки зрения Добролюбова, обрисован и Инсаров, не ставший героем романа. Чернышевский позднее вспоминал, что читал статью в корректуре, перед ее публикацией, затем перечитывал ее при издании сочинений Добролюбова: "Добролюбов казался мне совершенно справедливым в своих мнениях о нем".⁴

Вероятно, не без воздействия оценок Добролюбова, его статьи, восприятия ее автором "Накануне" появился и резкий отзыв Чернышевского о Тургеневе в рецензии на книгу Н. Готорна "Собрание чудес".⁵ Здесь шла речь о "Рудине", истолкованном как пасквиль на Бакунина, но, видимо, в числе других произведений Тургенева, намек на которые имеется в рецензии, подразумевается и "Накануне". Ведь как раз вокруг этого романа во время публикации рецензии в первую очередь скрещивались копыя.

Поговорив о "Рудине", хотя и не называя его, Чернышевский переходит к другим произведениям современной русской литературы: "Можно бы припомнить и еще несколько повестей в том же роде, — повестей прекрасных, лучших в нынешней нашей литературе, но имеющих только один маленький недостаток: автор боялся компрометировать себя или своих героев и героинь: он боялся, что скажут: "это безнравственно" ". Очень похоже, что приведенные упреки высказаны как раз по поводу "Накануне". Чернышевскому, судя по всему, кажется, что автор "Накануне" опасается говорить правду, чтобы не соблазнить читателя на нечто дурное. Некоторые критики (М. И. Даргаган, В. И. Асоченский, Н. П. Грот и др. См. примечания к цитируемому изданию романа "Накануне", с. 456 — 468) обвиняли Елену, Инсарова в аморализме. Чернышевскому же представляется, что они ведут себя излишне целомудренно, и он призывает писателя быть откровеннее: "Нет-с, пишите то, что знаете; никого из нас не удивите, мы все знаем не меньше вашего"⁶. Пример того, как избавиться от подобной боязни, Чернышевский дает в романе "Что делать?", во многом полемически ориентируя свое произведение не только на "Отцов и детей", но и на предшествующее произведение Тургенева о "новых людях". Во всяком случае, переключка "Что делать?" с "Накануне" даже более ощутима, чем с "Отцами и детьми".

Недовольство Добролюбова и Чернышевского новыми произведениями Тургенева вполне закономерно. Пока тот правдиво изображал персонажей чужого им лагеря, "лишних людей", все было в порядке. Когда же речь пошла о единомышленниках Чернышевского и Добролюбова, о "новых людях", пускай обрисованных объективно, с сочувствием, с признанием их заслуг, но без идеализации, с желанием разобраться в сложности их позиции, указать на сильные и слабые стороны, на своего рода ограни-

ченность, Тургенев сразу же стал неприемлем, подвергся осуждению. Идеейные руководители "Современника", вероятно, искренне верили, что Тургенев, таким образом рисуя характеры "новых людей", искажает действительность. Им хотелось описаний, напоминающих в чем-то картины будущего "социалистического реализма".

Неприятие тургеневского подхода революционными демократами особенно сказалось в полемике вокруг "Отцов и детей", но оно в значительной степени определило уже отношение к роману "Накануне". Для этого были веские основания. Обратившись к теме "новых людей", Тургенев здесь, как и прежде, верен правде жизни. Он понимает значение таких людей, "сознательно-героических натур", появление которых необходимо, "чтобы дело пошло вперед".⁷ Выделяя курсивом слово "сознательно", добавив, что "стало быть — тут речь не о народе", Тургенев тем самым обращает внимание на героизм нового типа, людей мыслящих, образованных, разнородной интеллигенции. Но значимо в словосочетании и другое. Речь идет именно о героизме. Тургенев понимает этот героизм, высоко оценивает его. Инсаров для писателя в первую очередь подлинный герой. Он противопоставлен "лишним людям", и ему отданы все преимущества.

Даже композиционно "лишние люди" отодвинуты на второй план, превращаются из главных во второстепенных персонажей, что верно отражало зарождающуюся жизненную тенденцию. Важным было и то, что Тургенев улавливал эту тенденцию по первым ее признакам, когда она только еще намечалась. В статье о "Накануне" Добролюбов признавал чуткость Тургенева, который "быстро угадывал новые потребности, новые идеи", обращал внимание "на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество".⁸ Знаменательно и то, что Инсаров — чуть ли не единственный тургеневский герой, который вроде бы выдерживает испытание на свидании.

При всем при том, стремясь объективно разобраться в сути "нового человека", при всей симпатии к нему и понимании его значения, Тургенев ощущал и ограниченность Инсарова, определенную узость его устремлений и интересов. В письме графине Е. Е. Ламберт от 21 сентября 1860 г. Тургенев неожиданно вспоминает имя Инсарова, размышляя об отношениях с внебрачной дочерью, Поли-

ной: "между моей дочерью и мною мало общего: она не любит ни музыки, ни поэзии, ни природы — ни собак, — а я только это и люблю <...> для меня она — между нами — тот же Инсаров. Я ее уважаю, а этого мало".⁹ Здесь же речь идет и о том, что Полина заменяет недостающее ей "другими, более положительными и полезными качествами".¹⁰ Не совсем понятно, к чему обращены слова "между нами". Тургенев не хочет афишировать то ли свое отношение к дочери, то ли характеристику, данную им Инсарову. Не исключено, что имеется в виду именно последнее.

Многое помогает понять в Инсарове, переключаясь с проблемами "Накануне", являясь в какой-то степени комментарием к роману, речь "Гамлет и Дон Кихот", произнесенная Тургеневым 10 января 1860 г. во время чтения в пользу Литературного фонда и напечатанная в первом номере "Современника", почти одновременно с "Накануне". Гамлет здесь, как и прежде, ориентирован на "лишнего человека", Дон Кихот — на "новых людей" типа Инсарова. К такой ориентировке смысл сопоставления этих двух образов, конечно, не сводится, но она несомненно присутствует в речи.

Тургенев восхищается Дон Кихотом, его энтузиазмом, героизмом, благородством цели, верностью в любви, преданностью высокому идеалу, способностью действовать во имя него, бороться за торжество истины, искоренение зла, водворение справедливости. Сопоставление Дон Кихота с Гамлетом оказывается в значительной степени в пользу первого. Но в то же время, чрезвычайно высоко оценивая Дон Кихота, Тургенев напоминает, что идеал его "почерпнут расстроенным его воображением из фантастического мира", что "Постоянное стремление к одной и той же цели придает некоторое однообразие его мыслям, односторонность его уму; он знает мало, да ему и не нужно много знать". По словам Тургенева, Дон Кихот "может показаться то совершенным безумцем <...> то ограниченным", "он не умеет ни легко сочувствовать, ни легко наслаждаться", его попытка "освобождения невинности от притеснителя рушится двойной бедою на голову самой невинности"; воюя с вредными великанами, Дон Кихот "нападает на полезные ветряные мельницы". Дон Кихоты, с точки зрения Тургенева, "видят и знают одну лишь точ-

ку, часто даже не существующую в том образе, какую они ее видят".¹¹

Постоянно подчеркивается комичность Дон Кихота, при всем его героизме, величии и обаятельности: "Дон Кихот <...> положительно смешон. Его фигура едва ли не самая комическая фигура, когда-либо нарисованная поэтом. Его имя стало смешным прозвищем даже в устах русских мужиков".¹²

Тургеневская характеристика Дон Кихота объясняет многое в Инсарове. При всех своих достоинствах и положительных качествах "сознательно-героическая натура" демонстрирует свою ограниченность, становится отчасти смешной, превращается, как и Дон Кихот, в фигуру комическую. Тонкая ирония Тургенева иногда едва заметна, отнюдь не переходит в сатиру, и тем не менее присутствует в романе.

Читатель знакомится с Инсаровым в VII главе, когда к тому приходит Берсенев и приглашает его пожить на даче возле Кунцова. С первого мгновенья Инсаров ведет себя как особенный человек, не так как обычные люди. Весьма экономный в употреблении изобразительных средств, редко прибегающий к подробным описаниям, Тургенев в данном случае не жалеет слов. Он сообщает не только о том, что сделал Инсаров, но и о том, чего он не сделал из предполагаемого ситуацией: "Инсаров пошел навстречу Берсеневу, как только тот переступил порог дверей, но не воскликнул: "А, это вы!" или: "Ах, боже мой! Какими судьбами?", не сказал даже: "Здравствуйте", а просто стиснул ему руку и подвел его к <...> стулу".¹³ Такое описание раскрывает сразу же коренное отличие "нового человека", даже в мелочах его поведения, от словообильного "лишнего". Уже здесь намечено противопоставление, которое далее пройдет через весь роман, свидетельствуя о несостоятельности людей типа Шубина — Берсенева, о социально-общественной полноценности Инсарова.

Однако в описании поведения Инсарова скрыта и легкая ирония. Инсаров не только ведет себя по-иному, чем обычные люди, но и все время сознает это. Он немного играет роль. В его подчеркнутой немногословности есть оттенок нарочитости, определенной позы. Слова "сознательно-героическая" приобретают второй смысл, возможно не имевшийся в виду Тургеневым, но объективно ощущаемый. Ирония сперва очень замаскирована,

почти не видна, начинает осмысливаться лишь в ходе развития событий.¹⁴

Знакомя читателя с Инсаровым, Тургенев сразу же фиксирует внимание на его деловитости, практичности, оказывающейся где-то на грани педантичной мелочности. Сразу же появляется "арифметика". Инсаров подсчитывает, сколько будет стоить его комната на даче, оправдывает ли дешевизна дачной жизни лишние расходы. Два раза почти подряд он употребляет слово "расчет", столь не любимое Достоевским: "Стало быть, по расчету, приходилось бы за одну комнату двадцать рублей?" — спрашивает он у Берсеньева. И далее: "Я только в таком случае могу воспользоваться вашим предложением, если вы согласитесь взять с меня деньги по расчету" (188). Позднее мы узнаем, что Инсаров, переселившись на дачу, просит Берсеньева "взять с него десять рублей вперед", отказывается обедать вместе с Берсеньевым, так как "средства не позволяют мне обедать так, как вы обедаете" (202). Во всех подобных случаях Берсеньев испытывает некоторую неловкость, но не настаивает. У читателя же поведение Инсарова вызывает смесь уважения, удивления, ощущаемого и Берсеньевым, а также подозрения, что, может быть, и здесь герой "Накануне" немного играет роль.

Инсаров аккуратен и бережлив: проведив Берсеньева, он "бережно снял сюртук" (189).

Знаменательно, что Инсаров внушает страх не только хозяйке квартиры, но и ее семилетней дочери, которая, выслушав его, молча уходит, "чуть не с ужасом" (189).

Герой "Накануне", как и Базаров, не понимает искусства, о чем пойдет речь ниже. Он далек от природы, выделяет некоторое время на необходимое общение с ней; "нынешний день я могу посвятить прогулке", — говорит он Шубину, а затем не идет, а "выступает не спеша"; "он отдал этот день удовольствию и наслаждался вполне" (204). Наблюдая за ним, Шубин иронически и небезосновательно замечает: "Благоразумные мальчишки так гуляют по воскресеньям" (204). И не только досада, но и трезвая оценка ощущается в ответе Шубина на вопрос Зои, интересующейся возрастом Инсарова: "Ему сто сорок четыре года" (205). Благоразумие на самом деле одна из характернейших особенностей Инсарова. Оно сказывается в ряде случаев: от размышлений, как достать

заграничный паспорт для Елены, до деталей поведения на свидании.

Еще до переезда Инсарова на дачу Елена узнает о нем из рассказа Берсеньева. Следует, кстати, учитывать, что Берсеньев чрезвычайно высоко ценит Инсарова, искренне восхищается им, что, вероятно, отражается на тональности его рассказа. Елена спрашивает у Берсеньева, были ли среди его товарищей "замечательные люди". Берсеньев отвечает: "не было <...> ни одного замечательного человека". Но тут он вспоминает Инсарова и выражает уверенность, что тот "действительно замечательный человек" (199). Обратим внимание на то, что словосочетание "замечательный человек" употребляется здесь три раза. Позднее будут встречаться другие определения Инсарова ("герой", "необыкновенный человек"), но имеющие тот же смысл. Вполне вероятно, что Чернышевский, называя в романе "Что делать?" главу о Рахметове: "Особенный человек", имел в виду аналогичные характеристики Инсарова.

Берсеньев рассказывает Елене необыкновенную биографию Инсарова. С этого момента мотив героической судьбы, героической натуры неразрывно связан с ним на всем протяжении дальнейшего повествования. Познакомившись с Инсаровым, Елена, заранее подготовленная рассказом Берсеньева, сразу же воспринимает молодого болгарина именно как героя. Она думает о нем: "не такими она воображала себе людей, подобных Инсарову, "героев" " (206).

Тема героизма людей типа Инсарова — основная тема романа "Накануне". Для Тургенева Инсаров — истинный герой. Писатель восхищается его героизмом совершенно искренне, безо всякой предвзятости. Но в слове "герой", довольно прочно закрепленным за Инсаровым, ощущается и иной, иронический, смысл. Это слово употребляется в иронической огласовке Шубиным, уловившим сразу с ревнивым недоброжелательством сущность инсаровского характера: "Ирой Инсаров сейчас сюда пожалует!" (205). Слово "герой" в ироническом его осмыслении войдет и в подпись к бюсту Инсарова: "Герой, намеревающийся спасти свою родину" (242).

Тургенев пять раз употребляет слово "герой" в одном абзаце, передающем разговор Шубина и Берсеньева об Инсарове: "Для них он герой; а, признаться сказать, я

себе героев иначе представляю: герой не должен уметь говорить: герой мычит, как бык; зато двинет рогом — стены валятся <...> Впрочем, может быть, в наши времена требуются герои другого калибра" (207—208). Любопытно, что и Шубин, и Елена находят Инсарова непохожим на их представления о герое, но в восприятии Елены эта непохожесть оттеняет величие Инсарова (в простом облике героичность еще более прекрасна), в рассуждениях же Шубина о герое-быке, о его рогах содержится зерно того иронического осмысления, которое позднее отразилось в сатирическом портрете Инсарова в виде барана.

О сильных сторонах характера Инсарова и одновременно о его ограниченности Шубин говорит Берсеньеву, считая, что "необыкновенный человек" "провалился": "Твой хваленый необыкновенный человек провалился <...> вот формулярный список господина Инсарова. Талантов никаких, поэзии нема, способностей к работе пропасть, память большая, ум не разнообразный и не глубокий, но здравый и живой; сушь и сила, и даже дар слова, когда речь идет об его <...> скучнейшей Болгарии <...> ты с ним никогда на лы не будешь, и никто с ним на лы не бывал <...> Сушь, сушь, а всех нас в порошок стереть может. Он с своею землею связан" (207).

Оценка Шубиным Инсарова, естественно, не тождественная тургеневской, но и не противоположная ей, во многом совпадала с общим контекстом высказываний Тургенева о "новом человеке". Шубин, при всех его слабостях, умен и наблюдателен. Он дает меткие характеристики. Об этом, между прочим, упоминает Елена, приводя в письме к Инсарову отзыв Шубина о Курнатовском: "Шубин умен, и я для тебя запомнила его слова" (249).

Знаменательно, что "формулярный список господина Инсарова" привлек внимание Добролюбова. В статье о "Накануне" он как бы продолжает рассуждения Шубина о задаче, стоящей перед Инсаровым, о турках, которых не так уж трудно "вытурить" (207), полемически переадресовав самому Тургеневу, его единомышленникам характеристику русских "смешных Дон Кихотов", "небольших героев".¹⁵

Еще в большей степени близость взглядов Тургенева и Шубина на Инсарова заметна в эпизоде со скульптурными портретами: первый из них — "отличный бюст Инсарова. Черты лица были схвачены верно до малейшей

подробности, и выражение он им придал славное: честное, благородное и смелое" (240). Но Инсаров предстает и в ином облике: "Молодой болгар был представлен бараном, поднявшимся на задние ножки и склоняющим рога для удара. Тупая важность, задор, упрямство, неловкость, ограниченность так и отпечатались на физиономии "супруга овец тонкорунных", и между тем сходство было до того поразительно, несомненно, что Берсенев не мог не расхохотаться" (241). Оба портрета оказываются верными, это мнение уже не только Шубина, но и Берсенева, при всем его восхищении Инсаровым, да по сути дела и самого Тургенева.

Инсаров не только является героем, но и ощущает себя им, знает, что он — герой, поступает и говорит так, как при подобном ощущении должен вести себя в каждом мелком случае жизни человек героического склада. Даже подчеркнутая (и искренняя) скромность не выводит его за рамки ампула "героя". Отправившись за 60 верст мирить поссорившихся из-за денег соотечественников, потеряв три дня на поездку, Инсаров отвечает удивленной Елене не без чувства скромного величия: "Наше время не нам принадлежит <...> а всем, кому в нас нужда" (212).

Инсаров противопоставлен "лишним людям", людям слова, как человек дела. Такое противопоставление проходит через весь роман, отражаясь даже в мелочах. Так, например, приехав на дачу, Инсаров "усмиряет" письменный стол, "который никак не хотел поместиться в назначенный для него простенок: но Инсаров, со свойственной ему молчаливою настойчивостью, добился своего" (201—202).

Но особенно отчетливо проявляется коренное отличие Инсарова от людей слова во время поездки в Царицыно, при встрече с пьяными немцами. В произведениях Тургенева о "лишних людях" обычно имеется эпизод, раскрывающий сущность главного персонажа в действии (вернее, в минус-действии). В романе "Рудин", например, таким эпизодом оказывается сцена у Авдюхина пруда, в романе "Накануне" — описание поездки в Царицыно. Тургенев нарочито сталкивает в этой сцене "лишнего" и "нового" человека, показывая коренную разницу их реакции на происходящее. Сперва на первый план выдвигается "лишний человек", Шубин. Он пытается урезонить пьяного немца, конечно же, при помощи слов, витиеватых, нелишенных остроумия, оказывающихся, естественно, со-

вершенно бесполезными. Описание поведения Шубина выдержано в тонах неприкрытой иронии, переходящей в карикатуру. Затем на первый план выходит Инсаров. Не тратя слов, он почти сразу начинает действовать, бросает немца в воду. Получается как бы полный триумф "нового" и посрамление "лишнего" человека, поочередно выведенных Тургеневым на арену. Однако такое впечатление, на одном уровне верное, лежащее на поверхности, не совсем точно отражает смысл происходящего. В "подвиге" Инсарова присутствуют и комический, и неприятный оттенки. При этом следует помнить, что эпизод с пьяным немцем — единственное деяние Инсарова, совершаемое непосредственно в рамках романа. Слишком уж всерьез воспринимает он ничтожное в сущности событие, слишком много эмоций вкладывает в свой поступок: перед тем, как бросить немца в воду, он "вдруг побледнел"; затем он стоит на берегу, "глубоко дыша"; на опасение, что немец утонет, Инсаров зло роняет одно слово: "выплывет", "с презрительной и безжалостной небрежностью" (221). На его лице выступает "что-то недоброе, что-то опасное" (222). Позднее Елена вспоминает: "какое лицо злое, почти жестокое! Как он сказал: *выплывет* <...> Да, с ним шутить нельзя <...> Но к чему эта злоба, эти дрожащие губы, этот яд в глазах?" (227). Здесь проявляются уже не комические, а скорее пугающие свойства характера Инсарова, и вряд ли можно согласиться с Еленой, когда она пытается полуоправдать его: "Или, может быть, иначе нельзя?" (227). Но и комический оттенок остается: ведь происшествие-то ничтожное. Инсарову самому "было совестно" своего поведения, "он стыдился", опасаясь, что Елена "его осуждает" (222). Шубин же с иронией комментирует "подвиг" Инсарова, вновь затрагивая мотив героя: "Ну как же не герой: в воду пьяных немцев бросает!" (223).

Для характеристики Инсарова немаловажное значение имеет изображение в романе Курнатовского. На первый взгляд не совсем даже понятно, с какой целью введен Курнатовский в содержание "Накануне": к сюжету он прямого отношения не имеет, на события никакого влияния не оказывает. Как писал Добролюбов, "он в ходе повести не участвует".¹⁶

На самом деле Курнатовский своего рода двойник Инсарова, противопоставленный ему и одновременно сопоставленный с ним. Оба они — женихи Елены, один —

подинный и тайный, другой — мнимый и явный. Оба — практические, деловые люди, что отмечает Шубин: "оба практические люди, а посмотрите, какая разница" (249). Оба честные, трудолюбивые, руководствуются "принципами", "правилами", способны к самопожертвованию (248). Елена угадывает, что Курнатовский "большой деспот. Беда попасться ему в руки". Он может раздавить человека, даже невинного, "ради принципа" и не стесняясь говорит об этом (248). Но ведь и с Инсаровым шутить опасно, он бывает безжалостным, жестоким (эпизод с немцем свидетельствует о такой возможности), на полпути к цели его не остановишь.

Не случайно при обрисовке и Инсарова, и Курнатовского возникает мотив "железного человека". "Да. Это железный человек", — говорит об Инсарове Берсенев, добавляя, как бы пытаясь смягчить свой отзыв, что в то же время, в нем есть что-то детское, искреннее (200). Позднее мотив "железного человека" всплывает в рассказе Елены о Курнатовском: "В нем есть что-то железное... и тупое и пустое — и честное <...> Ты у меня тоже железный, да не так, как этот" (248). При всей коренной разнице между Курнатовским и Инсаровым, которую всячески подчеркивает Елена, о которой говорит Шубин, которую прекрасно сознает Тургенев, — "железность", пускай и не одна и та же, присуща тому и другому, как и персонажам "Что делать?", да и многим их жизненным прототипам. И если Чернышевский считает такую "железность" нормой, положительным качеством "новых людей", то Тургенев, уже создавая "Накануне", видит определенную ограниченность "железного человека", будь он даже Инсаровым, а не Курнатовским.

Знаменательно, что и Инсаров, и Курнатовский не любят и не понимают искусства (для Тургенева эта их особенность весьма важна). Елена вскоре после знакомства с Инсаровым записывает в своем дневнике: "у нас вкусы похожи: и он и я, мы оба стихов не любим: оба не знаем толка в художестве" (226). Позднее, рассказывая о Курнатовском, она сообщает, что тот, по его собственным словам, "в художестве ничего не смыслит. Это мне тебя напомнило... но я подумала: нет, мы с Дмитрием все-таки иначе не понимаем художества" (248).

В заключение остается разобраться в том, как ведет себя Инсаров на свидании. Существует мнение, что он —

чуть ли не единственный из тургеневских персонажей выдерживает это испытание. Так ли это?

Любовной истории Елены и Инсарова предшествует один эпизод его жизни, рассказанный Берсеневым. Последнему показалось, что Инсаров равнодушен к одной знакомой русской девушке. Берсенев спросил, верно ли его предположение. Инсаров ответил, что, если бы это оказалось правдой, он бы немедленно уехал, так как не смог бы "для удовлетворения личного чувства изменить своему делу и своему долгу. "Я болгар, — сказал он, — и мне русской любви не нужно. . . " " (229). Слова Инсарова звучат героически, но несколько напыщенно, свидетельствуя и о преданности высокой, благородной идее, и об ограниченности, скованности теоретической схемой, отсекающей от многообразия живой жизни. Невольно вспоминается Рахметов Чернышевского, спящий на гвоздях.

Инсаров — человек одной идеи, одной цели, одной мысли, что неоднократно упоминается в романе. "У него одна мысль: освобождение его родины", — говорит Берсенев (199). "У всех у нас одна цель", — сообщает Елене сам Инсаров (214). В абзаце, включающем процитированные нами слова, трижды повторяется в разной форме слово "один": "одно неизменно", "одна цель", "желаем одного и того же" (214). Инсарову даже непонятно, что цель может быть какая-нибудь другая, кроме любви к родине. "Что же другое можно любить на земле?" — спрашивает он (214). Тургенев восхищается Инсаровым, связью его с народом, с родной землей, преданностью высокой идее, но стремление подчинить себя целиком только ей воспринимается писателем как проявление некоторой ущербности, неполноценности Инсарова. Жизнь, кстати, опрокидывает теоретические представления Инсарова о его отношении к "русской любви", так же, как и теоретические представления Базарова о любви вообще.

Как же развиваются события на rendez-vous, участниками которого оказываются Елена и Инсаров? Вскоре после знакомства с ним Елена понимает, что влюблена: "Слово найдено <...> Я влюблена!" — отмечает она в своем дневнике (228). В нем же содержится первый намек, что и Инсаров к Елене небезразличен: "Он как будто избегает меня. Да, он меня избегает" (228). Затем намек получает подтверждение. В тот же день Инсаров сообщает Берсеневу о своем "намерении на другой же день переехать в Москву", так как "по моим соображениям, мне не-

льзя здесь оставаться" (228). На следующий день Инсаров приходит к Стаховым, чтобы попрощаться. Елена просит перенести прощание на завтра, прийти еще раз. Инсаров выслушивает ее, ничего не отвечая. На другой день, поняв, что он не придет, Елена направляется к Инсарову, случайно встречается его на дороге, у часовни. Тот, следуя своей теории, решил удалиться, не повидавшись с Еленой. Происходит решающее объяснение. Инсаров продолжает скрывать свои чувства, хотя и намекает на них; "Мы не друзья", — говорит он, а затем просит не заставлять его "сказать то, что я не хочу сказать, что я не скажу" (235). К счастью, Елена берет дело в свои руки. С полным основанием она заявляет: "А я храбрее вас <...> Вы хотели заставить меня сказать, что я вас люблю <...> вот... я сказала" (236). Далее изображен пик чувств Инсарова: любовь, умиление, слезы на глазах, "чувство благодарности неизъяснимой разбило в прах его твердую душу" (236). Но "четверть часа спустя" (236) он приходит в себя, становится обычным рассудительным и благоразумным Инсаровым, обращается к Елене с рядом вопросов и предостережений. Он спрашивает, не обманывает ли она себя, понимает ли она, что Инсаров бедный, что ее ждут трудности, лишения, опасности, что ее родители не согласятся на брак, что она будет вынуждена разорвать связи с Россией, с родными, близкими. Инсаров здесь в высшей степени честен (вспомним, что честность — одна из характерных особенностей и Курнатовского). Он не хочет воспользоваться неведением Елены, но слишком уж он расчетлив и разумен. Насколько человечнее, ближе и милее Тургеневу ответы Елены на все, что говорит Инсаров: "Я тебя люблю <...> Я люблю тебя, мой милый" (237). Завершает сцену несколько манерная и высокопарная фраза Инсарова: "Так здравствуй же <...> моя жена перед людьми и перед богом!" (237).

Позднее начинается обман, пускай и вынужденный. Елена скрывает от домашних свои отношения с Инсаровым, тайком готовится к отъезду. Она ощущает "присутствие какой-то фальши", ей хочется "высказать все без утайки", сказать матери: "у меня уже есть муж", но она не делает этого, проходит "неделя, другая", Елена "немного успокоилась и привыкла к новому своему положению" (243—244, 249). И это та Елена, которая более всего ненавидела ложь: "ложь она не прощала "во веки веков" " (182).

Довольно спокойно относится к необходимости обманывать и честный Инсаров. Обдумывая отъезд Елены, понимая, что "достать ей паспорт законным путем было невозможно", он обращается к знакомому, бывшему прокурору, опытному мастеру "по части всяких секретных дел" (254). И хотя Инсаров испытывает "чувство гадливости", хотя ему неприятно обращаться "к этому старому плуту", он считает возможным воспользоваться помощью прокурора (255, 256).

Тургенев не ставит в "Накануне" проблемы этики "новых людей". Здесь отсутствует мотив соотношения цели и средств. Все эти вопросы определяются позднее, отразятся в романе "Что делать?", в произведениях Достоевского. Говорить о подобных вещах в связи с "Накануне" можно лишь, подсвечивая их будущим. Но Тургенев все же, может быть не вполне осознанно, уловил те тенденции, которые так отчетливо проявятся в более позднее время, и в жизни, и в отражающем зеркале литературы.

События развиваются. После возвращения Елены в Москву происходит несколько свиданий с Инсаровым. Однажды она забегает к нему "на четверть часа". Описание радостной встречи перемежается двукратным упоминанием писем из Болгарии, которые Инсаров перечитывает в третий раз (250—251). Елена хочет сразу же остаться навсегда с Инсаровым, но тот, со всегдашним благоразумием, ее отговаривает, напоминает о паспорте, о деньгах: "Нет, моя чистая девушка <...> Ты сегодня вернешься домой, но будь готова" (252). Через некоторое время, после болезни Инсарова, его выздоровления, происходит новая любовная встреча. У Инсарова от счастья кружится голова, бьется сердце, ему хочется броситься к ногам Елены (264). Попутно влюбленные выясняют вопрос о чувствах Берсеньева к Елене, о Шубине и Курнатовском, о том, что война неизбежна, о благородстве русского характера (266—268). Инсаров счастлив, он то краснеет, то бледнеет и вдруг говорит: "Елена <...> оставь меня, уйди". И далее: "Так оставь меня <...> Это свыше сил моих! <...> Уйди!" (268). На протяжении примерно страницы просьба уйти повторяется несколько раз. Благоразумие не покидает Инсарова. К тому же не исключено, что, оставаясь вполне искренним, он и здесь немного играет роль одновременно возвышенную и комическую, уподобляясь и в данном случае Дон Кихоту. Наконец Елена, понимая, что Инсаров еще долго будет произносить всякие прекрасные

слова, проявляет инициативу, как и во время встречи их у часовни: "Так возьми же меня, — прошептала она чуть слышно..." (268).

Таким образом, "новый человек" на свидании не столь уж существенно отличается от "лишних людей". В статье "Когда же придет настоящий день?" Добролюбов отмечает, что Тургенев мало приблизил Инсарова к читателям "просто как человека", что его контуры бледно очерчены, "его внутренний мир не доступен нам"; "Даже любовь его к Елене остается для нас не вполне раскрытою".¹⁷ Все это, по мнению Добролюбова, произошло от того, что Тургенев не знает в достаточной степени "новых людей", не может верно изобразить их ни в деле, ни на свидании. В действительности же то, что представлялось Добролюбову "главным художественным недостатком",¹⁸ свидетельствовало о силе и прозорливости автора "Накануне". Причина, породившая упреки Добролюбова, была не в Тургеневе, как казалось критику, а в самом типе "нового человека". Тургенев с поразительной художественной чуткостью, по первым, едва намечавшимся тенденциям, сумел уловить, запечатлеть в своем романе и значение "нового человека", закономерность, необходимость его появления, и его слабость, ограниченность, схематизм. Поведение главного персонажа на rendez-vous в новом произведении Тургенева, как и в предыдущих, было лишь симптомом более общей болезни, пускай и иной. К моменту создания "Накануне" признаки ее едва ощутимы. Позднее она стала явной, общезримой, широко отразилась в литературе, с разной степенью достоверности, от антинигилистической прозы до романов Тургенева, Чернышевского, Достоевского.

Однако дело сказанным не ограничивается. Обрисовав Инсарова так, что он явно не укладывается в рамки идеально-героического облика, Тургенев в конце романа как бы реабилитирует его. Такая реабилитация неоднократно завершала тургеневские произведения (например, гибель Рудина на парижских баррикадах). Сюжет строится по принципу: апофеоз—развенчание—реабилитация. Есть она и в "Накануне", определяя содержание последних трех глав, действие которых происходит в Венеции. Они сравнительно мало привлекали внимание исследователей. Проблематика этих глав выходит за пределы круга вопросов социальных, идеологических, политических, национальных, относится к сфере вечного, общечелове-

ческого. Она связана с темой смерти, столь важной для Тургенева. Писатель обращался к ней на всем протяжении своего творчества, от очерка "Смерть" в "Записках охотника" до последнего рассказа "Конец".

Происходит как бы новое "rendez-vous", на котором испытывается Инсаров, как каждый человек, будь он "лишний" или "новый", — rendez-vous со смертью. И это свидание со смертью Инсаров выдерживает. Все смешное, прямолинейное, вызывающее опасения исчезает. Инсаров встречает смерть вполне достойно.

XXXIII глава с самого начала построена на сопоставлениях. Изменившейся внешности Инсарова, его беспрестанному кашлю соответствуют "чахоточные деревца", которые "каждый год сажают, и они умирают каждый год" (284). Затем идет описание оперы Верди "Травиата", которую слушают Инсаров и Елена. Аналогия здесь совершенно отчетлива. Тургенев настойчиво подчеркивает ее (Елена вздрагивает, увидев на сцене постель смертельно больной Виолетты; на притворный кашель актрисы откликается в ложе глухой, неподдельный кашель Инсарова и т.п.). Именно в театре атмосфера счастья, возникающая в начале главы, сменяется ощущением близкой смерти, безнадёжности.

Следует остановиться на роли в "Накануне" музыки Верди. В 1840-е годы Тургенев, не без влияния семейства Виардо, относится к Верди весьма пренебрежительно.¹⁹ Перелом намечается где-то в середине 1850-х годов. В письме М. Н. и В. П. Толстым от 8 ноября 1855 г. Тургенев сообщает о впечатлении от оперы Верди "Трубадур": "Понравился мне "Трубадур" (новая опера Верди), против которого я, как вообще против Верди, имел сильнейшее предубеждение — но особенно одна сцена в последнем акте удивительно хороша и поэтична".²⁰ Не станем гадать, какая сцена последнего акта особенно понравилась Тургеневу, но напомним, что последний акт определен темой смерти.

"Трубадур" был поставлен в Риме в январе 1853 г., а в марте того же года в Венеции состоялось первое представление оперы "Травиата". Именно там ее слушают Инсаров и Елена в апреле 1854 г. В комментариях к различным письмам Тургенева, к роману "Накануне" описание спектакля в XXXIII главе истолковывается как недоброжелательное, как некий отголосок бывшего непри-

ятия Верди: "позднейший отрицательный отзыв", "иронический отзыв о "Травиате" в XXXIII главе "Накануне", "Критическое отношение Тургенева к творчеству Верди сложилось <...> задолго до этого".²¹ Безусловно ли верна такая оценка? На первый взгляд она вроде бы не вызывает сомнения. В романе говорится, что опера — довольно пошлая, "сказать по совести", но хорошо известная в Европе и в России (подразумевается: не вполне заслуженно известная). Далее речь идет о спектакле, на котором присутствуют Инсаров и Елена: "все певцы не возвышались над уровнем посредственности", роль Виолетты исполняла актриса, нелюбимая публикой, "не очень красивая", одетая "до наивности пестро и плохо", "не лишенная дарования", но с "не совсем ровным и уже разбитым голосом"; "держаться на сцене она не умела"; отдельные эпизоды спектакля буфонадно-нелепы, так что Елена и Инсаров в один момент "чуть оба не прыснули" (287—288). И дело не только в их веселом расположении духа. Примерно так же воспринимает спектакль и остальная публика.

Но постепенно оценка происходящего на сцене меняется, как раз тогда, когда появляется тема смерти; "Она не шутит", — замечает Инсаров об игре актрисы, — "смертью пахнет" (288). А далее актриса ведет свою роль "все лучше, все свободнее"; она переходит незаметно черту, "за которой живет красота"; "Публика встрепенулась, удивилась. Некрасивая девушка с разбитым голосом начинала забирать ее в руки, овладевать ею" (288). Затем описывается последний дуэт, "лучший номер оперы, в котором удалось композитору выразить все сожаления безумно растроченной молодости, последнюю борьбу отчаянной и бессильной любви"; "театр затрепал от бешенных рукоплесканий и восторженных кликов" (288—289).

Вряд ли такое описание можно считать свидетельством иронического и отрицательного отношения Тургенева к Верди, к "Травиате". Кстати, оно перекликается отчасти с отзывом о "Трубадуре". Но нас в данном случае интересует даже не это. Важно то, что возникает тема смерти, и с появлением ее, "перед грозным призраком внезапно приблизившейся смерти" (289), шутить становится неуместно. И опера, и жизнь превращаются в трагедию. Все остальное отодвигается на задний план, оказывается пошлым, незначительным.

Знаменательно изображение в следующей, XXXIV, главе пошляка и "свистуна" Лупоярова. Инсаров противопоставляется ему, испытывает, слушая его, раздражение. А ведь Лупояров, по его словам, "всегда любил заниматься социальными вопросами и восставал против аристократии <...> всегда был за прогресс. Молодое поколение все за прогресс" (293). Он "долго еще трещал таким образом" (293), а Инсаров, измученный неожиданным посещением, с горечью говорит Елене: "вот ваше молодое поколение! Иной и важничает и рисуется, а в душе такой же свистун, как этот господин" (294). Последний относится к типу персонажей, неоднократно появляющихся в произведениях Тургенева, начиная с "Накануне": Ситников и Кукшина в "Отцах и детях", круг Губарева в "Дыме", Кисляков в "Нови". Все они обрисованы в сатирических тонах. Везде изображение таких персонажей ориентировано на вопрос о "молодом поколении". Само словосочетание, трижды повторяющееся в XXXIV главе "Накануне", приобрело в 1860-е годы некий нарицательный смысл, иронический, и серьезный. Напомним, что несколько позднее одна из прокламаций так и называлась "К молодому поколению!" Напомним также, что слово "свистун" (как-то ориентированное на название "Свистка" Добролюбова; "Свисток" начал выходить с января 1859 г., как раз тогда, когда писался роман "Накануне"), употребляемое Инсаровым для характеристики Лупоярова и ему подобных, было довольно распространенным для обозначения той категории, которых, после публикации "Отцов и детей", стали называть "нигилистами". Тургенев отмежевывает Инсарова от таких "свистунов", такого "молодого поколения". Без особой симпатии относится к нему и Елена: слабость Инсарова "в это мгновение ее гораздо больше беспокоила <...> чем состояние всего молодого поколения России" (294).

Но вернемся к теме смерти, которая определяет содержание последних трех глав "Накануне". Уже в театре, ощутив приближение ее, чтобы успокоить Елену, Инсаров начинает улыбаться, "чуть-чуть подтягивает пению" (288). Напомним, что это делает Инсаров, который не понимает искусств, не умеет петь. Перед смертью он продолжает думать о родине, с нетерпением ждет приезда Рендича. Последние его слова: "Прощай, моя родина!...", но вряд ли он считает, как прежде, что родина — единственное, что "можно любить на земле" (214). Предшествующие слова,

обращенные к Елене, по сути о любви к ней: "Прощай, моя бедная!" Смерть, любовь к Елене, к родине сливаются воедино. Ужас и "какое-то тоскливое умиление" отражаются на лице Инсарова; его глаза, обычно небольшие, становятся "большими, светлыми, страшными"; но он не кричит, не мечется, сохраняет самообладание. "Елена! — произнес он, — я умираю" (295). И затем: "все кончено, — повторил Инсаров, — я умираю". Авторские реплики, сопровождающие предсмертные слова Инсарова, лишены всякого эмоционального оттенка, предельно кратки ("сказал", "повторил"), но вполне передают масштабность происходящего. Само описание смерти занимает менее половины страницы. И все же у читателя не вызывает сомнения, что последнее испытание Инсаров выдержал.

Судя по всему, смертью, а не борьбой за дело Инсарова, завершается и путь Елены: "Я приведена на край бездны и должна упасть" (298). Маленький кораблик, на котором она и гроб с телом Инсарова отправляются из Венеции, попадает в бурю, поднявшуюся с полуночи; до утра он не тонет ("но поутру корабль уже миновал Лидо"). Что дальше с ним — неизвестно: "В течение дня буря разыгралась с страшною силой, и опытные моряки в конторах "Ллойда" качали головами и не ждали ничего доброго" (297—298). Письмо Елены, полученное родными через три недели после ее отъезда из Венеции, отправлено в день отплытия в Зару и дальнейшей судьбы Елены не проясняет. Не противоречат возможности ее гибели и слухи, пускай и "более достоверные", о даме в трауре, приехавшей из Венеции и похоронившей гроб; тем более, что существуют и другие слухи: о буре, о гробе с телом мужчины, выброшенном морем. Как бы то ни было, роман оканчивается темой смерти; через трагическое испытание встречи с ней проходит все живое, сбрасывая с себя тленное, наносное, мимолетное: "маленькая игра жизни кончилась, кончилось ее легкое брожение, и настала очередь смерти. Случается, что человек, просыпаясь, с невольным испугом спрашивает себя: неужели мне уже тридцать... сорок... пятьдесят лет? Как это жизнь так скоро прошла? Как это смерть так близко надвинулась? Смерть, как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет ее на время в воде: рыба еще плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит ее — когда захочет" (299).²²

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — М., 1939—1950. — Т. V. — С. 159. В дальнейшем сноски на это издание: Чернышевский.
- 1а Чернышевский. — Т. III. — С. 567.
- 2 Чернышевский. — Т. XIII. — С. 108. Прототипом Волгина, который произносит эти слова, был Чернышевский.
- 3 Чернышевский Н. Г. Что делать? — Л.: "Наука", 1975. — С. 227.
- 3а Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 9 тт. — М.—Л., — 1961—1964. — Т. 6. — С. 126. Далее сноски на этот том: Добролюбов.
- 4 Чернышевский. — Т. I. — С. 729. "О нем", т.е. о Тургеневе.
- 5 Чернышевский. — Т. VII. — С. 449.
- 6 Там же.
- 7 Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ти тт. — М., 1961—1968. — Письма. — Т. IV. — С. 110. В дальнейшем сноски на это издание: Тургенев. Письма.
- 8 Добролюбов. — С. 99.
- 9 Тургенев. Письма. — Т. IV. — С. 241—242.
- 10 Там же. — С. 242.
- 11 Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. — М., 1978. — Т. 5. — С. 332, 333, 335, 340. В дальнейшем сноски на это издание: Тургенев.
- 12 Там же. — С. 334.
- 13 Тургенев. — Т. 6. — С. 187. В дальнейшем сноски на страницы этого тома в круглых скобках в тексте.
- 14 Такой прием вообще характерен для Тургенева. Например, детали описания Рудина в начале романа (жидкий блеск его глаз, тонкий голос, не соответствующий росту и широкой груди, манерность поведения в эпизоде с фортепьяно) сперва не бросаются в глаза, но подготавливают его дальнейшее развенчание.
- 15 Добролюбов. — С. 125.
- 16 Там же. — С. 134.
- 17 Там же. — С. 123.

- 18 Там же.
- 19 Письма Полине Виардо от 3. XII 1846, от 14, 15 и от 19. XI 1847 и др. Тургенев. Письма. — Т. I. — С. 253, 261, 267, 562, 572.
- 20 Там же. — Т. II. — С. 327.
- 21 Тургенев. — Т. 6. — С. 475. Тургенев. Письма. — Т. I. — С. 572. — Т. II. — С. 599.
- 22 С темой смерти связан и мотив воды, акцентируемый Тургеневым, особенно в конце романа: Венеция с ее каналами, лагуна, на которую выходит окнами комната Елены и Инсарова, Царицынский пруд, превращающийся в море во сне Елены, корабль, плывущий в бурю из Венеции в Зару, и, наконец, строки о рыбе, рыбаке и сети, как бы подводящие итог. О мотиве воды в "Накануне" см.: Rosenholm Arja. Kritik der Reproduktion imaginerter Weiblichkeit: Turgenevs Elena-Figur // Studia Slavica Finlandensia. IV. — Helsinki, 1987. — S. 185-186.